

УДК 821.511.132

*Е.М. Гордеева***РОМАН В.Я. БАТАЛОВА «ШАТУН» В СВЕТЕ ПАСТОРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ¹**

Статья посвящена изучению романа коми-пермяцкого писателя В.Я. Баталова «Шатун» (1970), неоднократно издававшегося и на русском языке (1972, 1976, 1985, 2001). Предметом исследования является генетическая связь анализируемого произведения с пасторальной традицией. Впервые выявляются интертекстуальные связи «Шатуна» с просветительской георгией Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Исследовательское внимание сосредоточивается на фабульном сходстве сопоставляемых произведений. Указывается, что, описывая отшельничество героя, занимавшегося собирательством, земледелием, рыбной ловлей, охотой, Баталов разрабатывал традиционные для георгии мотивы сельского труда. Отмечается, что параллели «Шатуна» с романом Д. Дефо имеют концептуальную значимость. Подчеркивается, что взгляд на произведение Баталова как на современную георгию обогащает научные представления о нем, дает возможность уточнить его жанровую специфику и тем выявить глубинные связи коми-пермяцкой прозы второй половины XX века с пасторальной традицией.

Ключевые слова: В.Я. Баталов; «Шатун»; жанр; коми-пермяцкая робинзонада; пастораль; георгия.

Валериан Яковлевич Баталов – известный коми-пермяцкий писатель, заявивший о себе в начале 1950-х гг. Его творчество, совпавшее с периодом расцвета коми-пермяцкой прозы второй половины XX века, – одна из ярких ее страниц. Баталову принадлежат лирические миниатюры и рассказы, объединенные в сборники («Трудное начало», 1959; «В роще», 1962; «Утренние голоса», 1967; «Край мой милый», 1967), повести («Сосна-шапка», 1965; «В Мичашоре», 1966; «В глуши лесов», 1972), роман-диалогия («На рассвете», 1970; «Весенние всходы», 1975). Многие из названных произведений сегодня являются классикой коми-пермяцкой литературы.

Наибольшую известность писателю принес роман «Весенние всходы». На русском языке его первая часть «На рассвете» («Югдікӧ») под названием «Шатун» была опубликована в 1972 г. в Москве (издательство «Детская литература»; переводчик А. Некрасова)². В составе двух частей на русском языке роман впервые увидел свет в 1985 г. в Перми. Отрывок из романа, озаглавленный «Встреча с медведем», вошел в «Краткую хрестоматию литератур восточных финно-угорских народов» (1975), изданную в Венгрии. Роман получил известность не только в России, но и за рубежом.

Данное произведение изучали В.В. Пахорукова, С.Ю. Королева, Л. П. Ратегова, Н.А. Мальцева и др. Все, пишущие о романе, так или иначе, анализировали его жанровую специфику. Чаще всего исследователи называли «На рассвете» историко-революционным романом, семейно-бытовой хроникой, связывали жанровое своеобразие данного произведения с ярко выраженным в нем фольклорно-мифологическим началом. Так, например, В. В. Пахорукова подчеркивала, что «положительные герои романа напоминают своим поведением "культурных героев" эпоса – Кудым-Оша, Перубогатыря», что показательным в этом плане становится сцена «единоборства юноши с медведем», где «медведь воспринимается как архетип тотемных предков» [10. С. 138]. С.Ю. Королева рассматривала Тиму Лунегова как «культурного героя», который «реализует в своем поведении ряд традиционных мифологических схем» [8. С. 130]. Ф.С. Истомин характеризовал роман как героическое произведение, «которое выросло на пермяцком героическом эпосе» [7. С. 118].

Первая часть романа Баталова «Шатун» ориентирована не только на фольклорную, но и на литературную традицию. По нашему мнению, концептуально значимыми оказываются переключки «Шатуна» с романом Даниэля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719; рус. перевод 1762–1764), позволяющие прочитать первую часть романной диалогии как коми-пермяцкий вариант современной робинзонады, то есть как современную пастораль.

Судьба романа Дефо в России не раз становилась объектом специального изучения (Е.П. Привалова, А.А. Аникст, М.П. Алексеев, К.Н. Атарова и др.). Рассмотрены переводы данного произведения на русский язык (Я. Трусов, П.А. Корсаков, П. Кончаловский, М.А. Шишмарева), его отечествен-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)» ПГГПУ.

² В 1976 г. данный перевод был переиздан «Советской Россией».

ные переработки, принадлежащие Л. Толстому (1862), А. Яхонтову (1872), А. Анненской (1874), Н. Блинову (1878), К. Чуковскому (1934).

Важно подчеркнуть, что роман Дефо был переведен и на коми-пермяцкий язык. Источником стала обработка Л. Толстого, предназначенная для детей. Коми-пермяцкая версия произведения увидела свет в 1934 г. под названием «Робинзон» (переводчик С.И. Юркина). Наличие коми-пермяцкого варианта «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» позволяет предположить, что у будущего автора «Шатуна» была возможность познакомиться с романом Дефо на родном языке еще в детстве.

Следует иметь в виду, что Баталов был лично знаком с К. Чуковским. Их встреча состоялась в начале 1960-х гг., когда Баталов, являясь студентом Литературного института, задумывал свой роман. Во время частных бесед автор самой популярной советской обработки произведения Дефо мог «подсказать» начинающему писателю, собиравшемуся рассказывать историю лесного отшельника, один из возможных литературных «ориентиров».

Заметим также, что, продолжая «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», Дефо перенес действие в Россию. Путь его героя пролегал, в том числе, и по территории, сопредельной с коми-пермяцкими землями (Соликамск, р. Кама, р. Вишера р. Вычегда). Об этом Баталову мог напомнить все тот же К. Чуковский, узнав, откуда родом его собеседник. Трудно представить себе, чтобы писатель, взявшийся за тему отшельничества, оставил данный факт без внимания.

Пастораль относится к числу жанров, интенсивно изучающихся сегодня. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что, возникнув в античную эпоху, данный жанр, трансформируясь и видоизменяясь, благополучно дожил до наших дней, что жанровыми вариантами пасторали являются буколика, эклога, георгики, идиллия, пасторальная поэма, пасторальная драма, пасторальный роман и т.д. [12. С. 85-86]. Как и любые иные жанровые образования, разновидности пасторали оказываются исторически изменчивыми формами. Их динамика обуславливается «перегруппировкой ценностных оппозиций» (деревня – город, война – мир, естественное – искусственное, природа – культура, природа – цивилизация и т.п.), формирующих пасторальный идеал на том или ином историческом этапе: одни из указанных оппозиций уходят на периферию, другие – оказываются в центре, «тем самым не отменяя, но порой значительно меняя содержание этого идеала» [11. С. 76].

Роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» представляет собой образец просветительской пасторали. Е.П. Зыкова, называя Робинзона символической фигурой эпохи Просвещения, подчеркивает, что герой Дефо «благодаря своему трудолюбию и несгибаемому оптимизму оказывается способным не только выжить в экстремальной ситуации, но и освоить дикую природу, необитаемого острова, отвоевать ее для цивилизации» [6. С. 58]. Исследовательница убедительно показывает, как соотносится подобный образ с пасторалью и пасторальными ценностями. Соглашаясь с тем, что «ренессансный пасторальный идеал прекрасного досуга на лоне природы, посвящаемого любви, творчеству и философским умозрениям, воплощенный главным образом в эклоге, духу Робинзона Крузо и всей просветительской эпохи органически чужд», Е.П. Зыкова замечает, что «неожиданно близок ей» оказывается «пафос другого пасторального жанра – георгики»: «Созидательный труд свободного человека на собственной земле, убеждение, что золотой век, когда земля сама приносила плоды, безвозвратно ушел в прошлое, и что только своей рачительной деятельностью человек может вернуть на землю подобие золотого века – достаток, благополучие, изобилие» (Там же).

Исследовательница, сравнивая роман Дефо с античной георгикой и подчеркивая их общую «установку на созидательную деятельность», указывает и на различия, существующие между ними. Она связывает отсутствие в «Жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» традиционной образности георгики с эволюцией данной пасторальной формы, обусловленной сменой господствовавших в обществе мировоззрений. «Георгика <...> как разновидность пасторали, возникшей еще в античности и уже тогда обращенной в прошлое, консервативна по своей природе, ее идеалы – довольство имеющимся, созидательный труд для нужд самообеспечения и досуг, посвященный культуре» [6. С. 58-59]. В то время как «Робинзон – представитель либерального мышления, которое сказывается в стремлении к экспансии, к постоянному расширению кругозора или поля деятельности» [6. С. 58]. Жанровые приоритеты той или иной эпохи являются производными от ее идеалов, в том числе и пасторальных, и зависят от доминирующих в обществе философских представлений, экономических отношений.

Предпринятый Е.П. Зыковой опыт прочтения «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» как просветительской георгики, свидетельствует об исторической изменчивости данной пас-

торальной формы, что, в свою очередь, позволяет вести речь и о ее современных аналогах. На наш взгляд, примером современной георгики может служить баталовский «Шатун», избилующий прямыми и косвенными отсылками к роману Дефо. Рассмотрим их более подробно.

Прежде всего, обратим внимание на фабульное сходство сопоставляемых произведений: в обоих случаях речь идет об изоляции человека и его жизни в условиях дикой природы. Как и Робинзон Крузо, герой Баталова Тима Лунегов восстает против родительской власти, покидает родной дом вопреки воле отца. Оба героя оказываются в изоляции в результате рокового стечения обстоятельств. Для Робинзона местом спасения становится необитаемый остров, на который герой попадает волею случая (в результате кораблекрушения). Тима сам уходит в тайгу, видя в ней своего единственного защитника. Для обоих героев жизнь вне цивилизации сопряжена с преодолением трудностей.

Робинзон и Тима становятся отшельниками осенью. Им в короткие сроки предстоит построить жилье, поскольку одного ожидает сезон дождей, а другого – суровая зима. Оба делают временное и постоянное жилище. Робинзон нашел место для ночлега, однако, боясь хищников, он «загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша» [5. С. 51]. Тима тоже возвел себе убежище из подручных средств: «Между двух высоких сосен быстро построил шалаш из еловых сучьев» [1. С. 40]. Оба героя принимают решение поставить дом для постоянного проживания около питьевой воды. Робинзон считал, что его «жилище должно быть расположено в здоровой местности и поблизости от пресной воды...» [5. С. 55]. Тима, подобно герою Дефо, выбрал место у реки, где можно было жажду утолить и еды добыть. Он остался довольным своим выбором: «Лучше этого места, пожалуй, и не сыскать» [1. С. 44].

Герои Дефо и Баталова ведут свой календарь. Робинзон «водрузил большой деревянный столб на том месте берега», куда его «выбросило море»: «По сторонам этого столба я каждый день делал ножом зарубку <...> Таким образом я вел мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы» [5. С. 61-62]. Тима отмечал дни своего пребывания в лесу на только что построенном доме: «Топором сделал зарубину на бревне, вровень с окошком. И от той зарубины повел счет дням и годам» [1. С. 59].

У обоих героев сначала не было ружья. Робинзон размышлял: «Но что всего ужаснее – у меня не было оружия, так что я не мог ни охотиться за дичью для своего пропитания, ни обороняться от хищников» [5. С. 44]. У Тимы была возможность взять отцовское ружье, однако герой не воспользовался ею, поэтому остался без оружия. «Да без ружья как его возьмешь, зверя-то и птицу?» [1. С. 26], – сетовал Тима.

Герои обоих произведений приручают диких животных, которых считают членами своих семей. «Даже стойк не удержался бы от улыбки, если бы увидел меня с моим маленьким семейством» [5. С. 133], – думал Робинзон, глядя на сидящих вокруг него собаку, попугая и кошек. В семью Тимы входят собака Серко, филин Лохмач, лосенок Тюха. Долгие годы «верным товарищем и слугой» Робинзона была собака: «Она делала для меня все, что могла, и почти заменяла мне человеческое общество» [5. С. 62]. За Тимой уходит в лес и его верный друг, догнав его «еще в первое утро». «Тимоха с благодарностью подумал о преданности своего пса, добровольно разделившего с ним все трудности изгнания» [1. С. 40]. Тима относился к Серко, как к человеку (жаловался ему на свою тяжелую долю, размышлял о собственной жизни, прошлой и будущей). Собака для него была и помощником, и защитником. Во время схватки с медведем Серко спас Тиму от смерти. «Добрый ты мой <...> Умный ты мой... Кабы не ты, не справиться бы мне с соседом» [1. С. 52]. Робинзон приручил попугая, который, как замечает герой, «становился совсем ручным и очень со мной подружился» [5. С. 103]. Тима также пытался «одомашнить» птицу – филина: «Ну, сиди, сиди, лохмач! Не бойся. Мышей лови. Не трону...» [1. С. 59]. Следует подчеркнуть, что в символике попугая и филина общим является то, что они выступают проводниками душ в царство мертвых, посредниками между человеческим и потусторонним миром.

Не случайно в окружении Тимы оказался именно филин. Символика филина амбивалентна. Это птица мудрости, но в то же время – мрака и смерти. Как ночная птица он символизирует отчаяние, грусть и одиночество. Баталов, изображая отшельническую жизнь Тимы, актуализировал, прежде всего, представления о филине как символе одиночества.

Герои обоих произведений спасают от гибели животных. Робинзон, вырвав из собачьих клыков козленка, решил приручить его: «Я всегда кормил его сам, и он сделался таким ласковым и ручным, что вошел в семью моих домашних животных и никогда не пытался сбежать от меня» [5. С. 103]. Тима в половодье «отбил» у реки лосенка и оставил его у себя: «К Тимохе привык он сразу; привык и к

месту – от избушки на шаг не отходил один <...> Тюха терся головой о хозяина и никуда не пожелал отходить» [1. С. 60].

Как и Робинзон, Тима тяготился своим одиночеством. Герой Дефо, заметив корабль, потерпевший крушение, не терял надежды, что найдет себе собеседника: «Ах, если бы хоть два или три человека... нет, хоть бы один из них спасся и приплыл ко мне! Тогда у меня был бы товарищ, был бы живой человек, с которым я мог бы разговаривать» [5. С. 168]. Скучал по человеческому общению и герой Баталова: «Эх, кабы домой сейчас... – подумал Тимоха. – Иди к любому соседу, говори, сколько хочешь, слушай...» [1. С. 63].

Примечательно, что в отшельничестве оба героя обращаются за помощью к Богу. В самом начале своей жизни на острове Робинзон обвинял в своих бедах Провидение (Бога). О Тиме соседи говорили «ни царя, ни бога не боится». И тот и другой вспоминают о Боге в критической ситуации, Робинзон, например, – во время болезни: «Впервые в жизни я по-настоящему молился – ведь теперь я осознал свои грехи и обращался к Богу с искренней надеждой» [5. С. 89]. Робинзон обнаружил в сундуке некогда найденную им на корабле Библию, чтение которой стало одной из его насущных потребностей. Тима, чтобы обезопасить себя от нечистой силы, решил смастерить икону: «Пойду-ка в лес нынче, поищу божье дерево, вырублю чурку и сделаю икону. Вот тут в углу божницу сколочу, все ладно и станет» [1. С. 53]. Однако, если один из устойчивых мотивов романа Дефо связан с раскаянием Робинзона, то в «Шатуне» герой в своей греховности не признается.

Как известно, оказавшись на необитаемом острове, Робинзон не только приобрел ранее неизвестные ему навыки, но и коренным образом изменил свое отношение к жизни. Тима в отшельничестве «передумал всю свою недолгую одинокую жизнь» [1. С. 61]. В данном контексте отшельничество героев воспринимается как форма инициации.

Обращают на себя внимание и иные значимые переключки, также связанные с принадлежностью обоих произведений к жанру георгики. Так, оба героя занимаются земледелием. Робинзон сеял ячмень и рис, зерна этих злаков он нашел на своем затонувшем корабле. Тима посадил картофель и лук, клубни которых предусмотрительно взял с собой из дому. Оба героя столярничают. Основным строительным материалом им служит дерево, а инструментом – топор. Герой Дефо признавался: «С одним только топором да рубанком я смастерил множество предметов» [5. С. 65], прежде всего «сделал себе стол и стул». Получилось у него «не больно все красиво, но больно гладко да ровно, ну да ведь зато и сделано все одним топором» [1. С. 46]. Робинзон смастерил себе сначала пирогу, затем небольшую лодку. Лодкой обзаводится и баталовский герой. Робинзон «был в восторге от своего произведения» и мечтал с его помощью покинуть необитаемый остров. Лодка Тимы предназначалась исключительно для рыбалки: «А как же без лодки рыбаку», – рассуждал герой [1. С. 61].

Первые главы романа «Шатун» печатались в региональных газетах «Звезда», «По ленинскому пути», а также в литературно-художественных альманахах «Иньва», «Наш край». Интерес представляет глава «На новом месте», опубликованная на коми-пермяцком языке в 1966 г. в альманахе «Иньва». В этом же году в авторизованном переводе данная глава была напечатана в двух номерах газеты «По ленинскому пути». Публикуемые фрагменты носили названия «У черта на куличках» (№ 234), «Утро вечера мудренее» (№ 236). При сличении журнального (газетного) варианта с книжным (каноническим) мы обнаружили весьма существенные расхождения. Примечательно, что они, так или иначе, связаны с отсылками к роману Дефо. Так, в книжном варианте отсутствует эпизод, усиливающий сходство «Шатуна» с «Жизнью и удивительными приключениями Робинзона Крузо». Робинзон случайно «увидел несколько зеленых стебельков, только что вышедших из-под земли <...> спустя еще несколько недель зеленые стебельки (их было всего штук десять-двенадцать) выпустили колосья, оказавшиеся колосьями отличного ячменя» [5. С. 73]. В журнальном (газетном) варианте Тима подобно своему литературному предшественнику также неожиданно для себя находит зерна: «Разматывавая онучи, он неожиданно заметил в них зернышки ржи. – Ишь ты, домашние сохранились, – сказал он. – Залезли, когда снопы в овин перетаскивал. – Старательно собрал зерна, набрал их чуть ли не половину горсти, хотел бросить в рот. Но только поднес руку к губам, да так и замер: – Пошто я эдакто? Ведь не наемся же ими... Верно, Найда, я сказываю? Оставить их лучше покудова...» [4. С. 4]. Обнаружив семена, Тима, как и герой Дефо, выбирает место для их посева: «Тимоха нащупал в кармане зерна ржи. Вышел на середину поляны. Выбрал ровное местечко. Опустился на колени. Крепко зажал в руке нож, широко размахнулся, с силой вонзил его в землю <...> – Пусть тут и будет наш первый посев, Найда. Вот как. Поздновато, может, малость, но...» [3. С. 4]. В коми-пермяцкой версии

этой главы Тима радуется, что зерна не погибли: «Радмис, көр перуиусь казяліс мысок вылісь пета́лём ёзим» [2. С. 36]. [«Обрадовался, когда впервые увидел на горке взошедшую озимь»]³. Отказ от данного эпизода в книжном (окончательном) варианте свидетельствует о стремлении автора сделать связь своего произведения с романом Дефо менее заметной.

Отмечая параллели «Шатуна» с «Жизнью и удивительными приключениями Робинзона Крузо», следует подчеркнуть ориентацию Баталова на обработку, появившуюся в печати под именем Л. Толстого, которая, как указывалось ранее, и была переведена на коми-пермяцкий язык. В толстовской версии текста речь идет о том, как Робинзон, вернувшись домой после своего слишком затянувшегося путешествия, узнает от отца о смерти матушки: «Она померла, все хотела тебя видеть» [13.С. 375]. Аналогичный эпизод, в романе Дефо отсутствующий, имеется в «Шатуне». Тиме о смерти матери рассказывает младший брат Максим: «Две недели с постели не вставала <...> Всякий день о тебе вспоминала. В последний-то день пить попросила. Подал я ей квасу, она отпила маленько и говорит: “Не увижу, знать, больше Тимошу...”» [1. С. 110].

Отшельничество героя Дефо длилось более двадцати лет; в толстовской версии романа – двадцать. Робинзон «рассказал отцу, как на остров попал и как прожил там двадцать лет» [13. С. 375]. Тима одну зиму провел совсем один, вторую – с Фисой; в финале романа их сыну Фоме идет восемнадцатый год, таким образом, в общей сложности герой Баталова прожил в лесу около двадцати лет – столько, сколько герой толстовской версии романа Дефо (у Дефо островная жизнь героя длилась более двадцати лет).

В обработке Л. Толстого Робинзон пытается сам добыть огонь. Он «взял два полена и начал тереть одно об другое» [13. С. 353]. Тима «наломал красных пихтовых веток, набрал сухой травы и прошлогодних листьев, сложил перед входом в шалаш и стал высекать огонь» [1. С. 40]. В «Жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» подобного эпизода нет, однако в «Шатуне» он появляется, и его источником служит толстовская версия произведения Дефо.

Робинзон в обработке Л. Толстого замечает, что «морская вода осталась на берегу между камнями, и когда солнце ее высушило – на земле осела соль. Он набрал этой соли в сумку...» [13. С. 355]. Герой Баталова, осматривая местность, неожиданно обращает внимание на то, что лоси не раз приходили к оврагу и что-то грызли. Тима «встал на колени, дотянулся, прильнул лицом к холодной шершавой земле, погрыз зубами, почмокал губами» [1. С. 54] и понял, что это соль. Он «вырубил кусок солевой земли, отряхнул, огладил руками и сунул за пазуху» [1. С. 55]. Аналогичного эпизода в «Жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» нет; в данном случае Баталов ориентировался не на роман Дефо, а на его обработку Л. Толстым.

На наш взгляд, ориентация Баталова на «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (а также на отечественные переработки данного произведения) выражает его пасторальные жанровые предпочтения. Наши наблюдения показывают, что в «Шатуне» писательское внимание сосредоточивается на изображении того, как герой строил жилище, создавал орудия труда, добывал огонь, находил соль, одомашнивал диких животных, столарничал. Подробно описывая, его занятия собирательством, земледелием, рыбной ловлей, охотой, автор разрабатывал традиционные для георгики мотивы сельского труда.

Как и в просветительской георгике, в «Шатуне» речь идет о труде реальном, направленном на удовлетворение насущных человеческих потребностей, что не отменяет его идеализации, призванной подчеркнуть значимость созидательной человеческой деятельности. Как и его литературный предшественник, будучи героем исторически и этнически конкретным, Тима одновременно выступает в роли героя собирательного – носителя человеческого опыта как такового. Идеализируя современную повседневность, писатель подчеркивал ее связь с вневременным, вечным.

Как известно, робинзонада – это всегда «апология существования личности вне общества» [9. С. 881]. Авторское восприятие Тимохиной робинзонады носит двойственный характер. С одной стороны, его таежное существование в гармонии с самим собой и природой, вызывает восхищение писателя (отсюда и не раз отмечаемые исследователями параллели героя с Кудым-Ошем, Перой-богатырем). С другой стороны, смерть героя в финале выражает авторское неприятие отшельничества как универсального способа решения социальных проблем. Отшельничество приветствовалось автором как выражение протестных настроений героя, не пожелавшего смириться с деспотизмом,

³ Здесь подстрочный перевод мой. – Е.Г.

царящим в семье и в обществе на рубеже XIX–XX вв., но оно же оказалось неуместным в новых исторических условиях – в период революционного преобразования мира. Гражданская война поставила героя перед очередным историческим выбором. Гибель Тимы «освободила» его от необходимости этот выбор сделать. Герой уходит из жизни отшельником. Смерть Тимы, не позволяя считать его ценности абсолютными, не способна, однако, и скомпрометировать их: идеалы просветительской пасторали оказались для автора настолько притягательными, что могли соперничать с весьма ощутимым влиянием на него соцреалистического канона.

Итак, отмеченные нами переключки свидетельствуют о том, что Баталов хорошо знал роман Дефо и писал историю коми-пермяцкого отшельника с опорой на известный источник. Хотя в его произведении прямых упоминаний о Робинзоне Крузо нет, лесное отшельничество Тимы Лунегова показано автором с весьма заметной «оглядкой» на подробности пребывания героя Дефо на необитаемом острове. Сказанное позволяет считать роман «Шатун» современной пасторалью – коми-пермяцкой георгией XX в. В ней заметной корректировке подвергся и тип героя, и пасторальный идеал, однако, ее жанровое ядро – установка на созидательный труд, преображающий человека и окружающий его мир, – остается неизменным. Анализ произведения Баталова «Шатун» в плане параллелей с романом Дефо обогащает научные представления о нем, дает возможность уточнить его жанровую специфику и тем выявить глубинные связи коми-пермяцкой прозы второй половины XX века с пасторальной традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталов В.Я. Весенние восходы. Роман / пер. с коми-перм. А. Некрасова, Евг. Имбовец. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2001. 288 с.
2. Баталов В.Я. Виль местаын (повести отрывок) // Иньва: литературно-художественный сборник / на коми-перм. яз. Кудымкар: Пермск. кн. изд-во, Коми-Перм. отд., 1966. С. 29–41.
3. Баталов В.Я. Шатун. Утро вечера мудренее // По ленинскому пути, 1966. № 236. С. 4.
4. Баталов В.Я. Шатун. У черта на куличках // По ленинскому пути, 1966. № 234. С. 4.
5. Дефо Д. Робинзон Крузо / пер. с англ. М. Шишмаревой. М.: Лексика, 1992. 286 с.
6. Зыкова Е.П. Пастораль в английской литературе XVIII века: дис... д-ра филол. наук. М.: Наследие, 1999. 256 с.
7. Истомина Ф. Колана книга (Лыддьдӧтисълӧн заметкаэз) // Иньва: литературно-художественный сборник / на коми-перм. яз. Кудымкар: Пермск. кн. изд-во, Коми-Перм. отд., 1983. С. 117–119.
8. Королева С.Ю. Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970–1990-х годов: дис. ... канд. филол. н. Пермь: ПГУ, 2006. 191 с.
9. Николкин А.Н. Робинзонада // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. Стб. 881–882.
10. Пахорукова В.В. История коми-пермяцкой литературы. Т. 1. Проза. Сыктывкар, 2004. 220 с.
11. Пахсарьян Н.Т. Динамика ценностных оппозиций в эволюции пасторальных жанров и пасторальная комедия Мариво «Арлекин, воспитанный любовью» // Пастораль как текст культуры: теория, топика, синтез искусств: сб. науч. тр.; отв. ред. Т.В. Саськова. М.: МГОПУ, 2005. С. 76–85.
12. Саськова Т.В. «И сияла им серебряная Пастушья звезда...»: Русская прозаическая пастораль эпохи перестройки // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: ежегодник / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. философии. Отд. языкознания; ред. кол.: Л. В. Скворцов, гл. ред., и др. Современный человек: Движение к пасторали? / ред.-сост. вып.: Н. Т. Пахсарьян, Г. В. Хлебников М., 2011. С. 85–106. (Сер. Проблемы человека).
13. Толстой Л.Н. Робинзон. Рассказ для детей. Литературные обработки и подражания // Дефо Д. Робинзон Крузо: (Роман) / сост. вступ. ст., коммент. К. Атаровой. М.: Высш. шк., 1990. С. 343–375.

Поступила в редакцию 17.04.15

E.M. Gordeeva

V. BATALOV'S NOVEL 'STRIDER' IN THE LIGHT OF PASTORAL TRADITION

The article is devoted to the study of the novel 'Strider' (1970) by Komi-Permyak writer V.Ya. Batalov whose works were published in Russian language several times (1972, 1976, 1985, 2001). The subject of the study is genetic relation of the analyzed novel with pastoral tradition. Intertextual relations of "Strider" with educational Georgics of D. Defo's 'The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe' are revealed for the first time. Research attention is concentrated on the plot's similarity of these two novels. It is noted that Batalov developed Georgics traditional motives of agricultural labor, describing the secluded life of the character engaged in gathering, farming, fishing, and hunting. It

is marked that parallels between 'Strider' and D. Defo's novel have conceptual significance. It is underlined that view on Batalov's novel as contemporary Georgics enriches scientific ideas about it and gives the opportunity to specify its genre peculiarities and thus reveal deep connections of Komi-Permyak prose of the second half of the twentieth century with pastoral tradition.

Keywords: V. Ya. Batalov; 'Strider'; genre; Komi-Permyak Robinsonade; pastoral; Georgics.

Гордеева Елена Михайловна,
ассистент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com

Gordeeva E.M.,
Assistant lecturer at Department of Methods
of Teaching Russian and Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
614990, Russia, Perm, Sibirskaya st., 24
E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com